

«Уличный жанр — сплошной экстрим»

ЭТОТ ТЕАТР ЗНАЮТ ПО ВСЕМУ МИРУ, И В ПЕТЕРБУРГЕ ТОЖЕ. НЕДАВНО «СТРАНСТВУЮЩИЕ КУКЛЫ ГОСПОДИНА ПЭЖО» ВЫСТУПИЛИ В ВИТРИНЕ КНИЖНОГО МАГАЗИНА НА НЕВСКОМ

Нет, это были даже не клоуны, не те привычные раскрашенные шутники с красными носами — это были античные мимы или, может быть, персонажи венецианского карнавала в длинноносых масках и балахонах.

Посредником между их странной реальностью и нашим скучным миром выступила Анна ШИШКИНА (на фото), художественный руководитель театра. В ней тоже, правда, многое могло встревожить обывателя — расшитый хитон, кожаная шляпа и копна волос, торчащая из-под нее. Что-то в духе Мамаши Кураж. Она сразу все объяснила и расставила по местам:

— «Театр Пэжо» — уличный театр. До последнего времени в России, к сожалению, считали, что уличный театр — это развлечение в стиле «кто громче крикнет?». Нет. Это серьезное искусство. «Театр господина Пэжо» — это яркий гротеск, который не всегда веселит.

— А что он делает вместо этого?

— Я сказала бы, что мы занимаемся обманом публики. Вот публика собирается на площади, видит там какую-то декорацию, набегает красочные персонажи. Публика думает: «Ой, как сейчас будет занятно, всякие клоуны полезут». Это очень хорошее состояние. Потому что когда публика расслабляется, ее можно взять за живое. И у нас на спектаклях публика немножко плачет... Это нормально.

Сразу отвечу на вопрос, который всякого русского зрителя интересует, но он стесняется его задать. Как мы зарабатываем деньги. Некоторые ставят шляпу перед собой, и им туда кидают деньги. Эти люди называются «баскеры». И действительно, в шляпу, которая сейчас у меня на голове, двадцать лет назад кидали деньги на улицах Парижа, Кракова... Сейчас мы зарабатываем сами, как частный театр. Труппа получает ангажемент, играет где-то, получает гонорар. Но в конце спектакля мы все равно ставим шляпу, а деньги из нее делим на всех.

— Вы играете в масках. Что это меняет для актера?

— Мы привыкли к тому, что маска — это то, что надевается на лицо. Но жил в старинные времена такой дедушка Бахтин. Он

Российская публика очень тонко чувствует то, о чем рассказывают уличные артисты.

писал, что карнавал — это переворот. Живет себе общество. А потом раз — и переворачивается. Голова становится попой, и наоборот. Самый простой экзамен в гильдию шутов был такой: «Переверни мир!». Как можно быстро перевернуть мир? Встать на голову. Так что маски могут надеваться и на другие части тела. И каждый перформанс «Театра Пэжо» — попытка перевернуть мир. И наверное, это даже полезно. Как сумочку дамскую перевернуть: все ненужное вывалится, все нужное — останется.

Когда актеры надевают маску, у них мышление немножко едет, они попадают в другое измерение. Но магия маски меняет даже неподготовленного человека. В нем включаются какие-то таинственные механизмы. По-моему, в нем просыпается его истинная сущность.

— Почему актеры вообще начинают играть именно в уличном театре?

— Иногда возникает ощущение: «человек играет на улице — ну, наверное, в театральный поступить не смог, а театром заниматься очень хотел...». Это не так, я в институт поступила. Я просто очень люблю уличный театр. На сцене мы играем и даже берем там международные призы. Но спектакль получается немножко кастрированный. Потому что город является частью нашей сценографии.

Вот вы приходите на площадь — а там стоит шкаф. Почему он там стоит? Есть в этом какой-то беспорядок, интрига. Ну а если шкаф стоит на сцене — в чем же тут прикол? Понятно, что там может стоять что угодно.

В театре и актер, и публика находятся в более комфортном, доброжелательном, статичном настроении. Нет собачек, детишек, бомжей, скорая помощь не проезжает мимо... А уличный жанр — это экстрим.

На улице приходится все время что-то изобретать, менять. Но актер и должен работать на адреналине. В Цирке дю Солей, например, актер подписывает соглашение, что не имеет права выступать на улице, пока длится контракт. Но некоторые актеры все равно выходят на улицу играть — иначе теряют квалификацию.

— А что лично вас сподвигло на такую жизнь?

— У меня это диагноз. Я на улице выступала с семи лет с кукольным театром. Наверное, на меня еще повлияли фильмы Фелини. Не люблю мультфильм «Бременские музыканты». «Наша крыша — небо голубое» — это все слегка миф. Час актер играет спектакль. Два часа перед этим он собирает декорации, два часа — разбирает. Это тяжелый физический труд, выдержит его не все.

Вот мы и стараемся, чтобы все были счастливы и никто не ушел обиженным. При этом смех — это так, защитная реакция для разрядки. Это не главное.

живают его не все. И даже аплодисменты — это для артиста тоже работа, между прочим, это часть спектакля. Когда я вижу какую-нибудь девушку, которая прямо вся купается в аплодисментах, я сразу думаю: не-е-ет, не потянет...

— В чем разница между работой уличного театра у нас и за границей?

— Один мой знакомый сардинский театр разместили в здании скотобойни XVIII века. Другой, норвежский, театр находится в бывшем сумасшедшем доме. Такая шикарная усадьба посреди леса. Конечно, нам ничего не выделяют. Наверное, этим и отличаемся. В России очень трудно уличному театру.

Как-то я познакомилась с замечательным французским художником, который делает высокохудожественные маски. Его звали, не вру, Этьен Шампиньон. Я его спросила: «Этьен, как ты зарабатываешь себе на жизнь?» Он говорит: «Я делаю маски». — «Это понятно, а на жизнь ты как зарабатываешь?» В общем, так мы общались минут сорок, пока не позвали переводчика. Он объяснил, что Этьен в своем городе такой один. Он — достопримечательность. И муниципалитет ему платит деньги просто за проживание в том городе и за изготовление масок.

— А реакция публики в разных странах как отличается?

— Мы уже можем написать трактат на эту тему. Южная публика — итальянцы, испанцы — требует больше зрелища и все время орет. При этом они смотрят внимательно. И чем внимательней, тем больше орут. Еще и звонят по телефону: «Педро, Педро, тут такие классные вещи происходят!» Вся эта итальянская комедия — это абсолютно реальные вещи. Норвежцы смотрят сосредоточенно, тихо. В конце взрываются аплодисментами. Поляки — одна из моих любимых аудиторий. Они нам очень близки, и у них потрясающе высокая культура уличного театра. Они не ищут развлечений. Они ждут открытий и считывают очень тонкие нюансы. Наверное, про русскую публику я должна сказать: «ну вот она еще не очень»? Нет. Наша русская публика совершенно замечательная. Она очень вдумчивая, серьезная и тонко реагирующая. Выступали мы в одном городке — туда подошли посмотреть такие ребята с пивом: «О, смотри, а кто это вылез? Смешной, чё! А чё он хочет?» Они комментировали весь спектакль и даже про пиво забыли. Они все поняли на самом глубоком уровне! И потом молча ушли.